

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КУЗНЕЦКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья III. Католики, мусульмане, иудеи

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено отсутствием специальных исследований, посвящённых культурологическому анализу состояния поликонфессиональной среды, включавшей институты всех мировых религий, присутствовавших на территории Кузнецкого края в пореформенный период, важный для понимания истоков трансформации духовной сферы, которая произошла на этапе строительства индустриальной базы в Кузбассе.

Определено время, рассмотрены причины появления в Мариинском и Кузнецком округах католиков и условия формирования католических приходов, политика местных властей в отношении организации католических приходов и деятельности ксендзов. Показано, каким образом привычные религиозные ценности проецировались на новую окружающую среду.

Выявлены каналы проникновения представителей иудейской общины на территорию Мариинского округа, установлена их численность и география молитвенных домов. Рассмотрены особенности религиозной жизни евреев и их ограниченные возможности в соблюдении религиозных традиций. Показана активная роль представителей иудейской общины в культурно-хозяйственной жизни г. Мариинска и его округа.

Определена география расселения представителей мусульманской общины на территории Кузнецкого края. По признаку полноты согласования поведения правоверного с законами шариата выделены две группы верующих: мусульмане севера Кузбасса (татары), как более последовательные приверженцы религиозных традиций, и калмаки, у которых новая для них обрядовая культура сочеталась с привычными элементами язычества.

Ключевые слова: Кузнецкий край, Мариинский округ, поликонфессиональная среда, католический приход, мусульманская община, иудейская община.

POLYCONFESSIONAL ENVIRONMENT OF THE KUZNETSK REGION DURING THE POST-REFORM PERIOD

Article III. Catholics, Muslims, Jews

Morozov Nikolay Mikhailovich, PhD in History, Sr. Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused by lack of the special researches devoted to the culturological analysis of a condition of the polyconfessional environment including institutes of all world religions which were present at the territory of the Kuznetsk region during the post-reform period important for understanding of sources of transformation of the spiritual sphere which happened at the following stage – constructions of industrial base in Kuzbass.

Time is determined, the emergence reasons in Mariinsky and Kuznetsk districts of Catholics and conditions of forming of Catholic receipts are considered. The policy of local authorities for the organization of Catholic receipts and activities of priests is considered. It is shown how habitual religious values were projected on the new environment.

Channels of penetration of representatives of a Judaic community on the territory of the Mariinsky district are revealed, their number and geography of houses of worship is established. Features of religious life of Jews and their limited opportunities in respect for religious traditions are considered. The active role of representatives of a Judaic community in cultural and economic life of Mariinsk and its district is shown.

The geography of resettlement of representatives of a Muslim community in the territory of the Kuznetsk region is determined. On the basis of completeness of coordination of behavior of Sharia, devout with laws, two groups of believers are allocated: Muslims of the North of Kuzbass (Tatars) as more consecutive adherents of religious traditions, and kalmak at which the ceremonial culture, new to them, was combined with habitual elements of paganism.

Keywords: Kuznetsk region, Mariinsky district, polyconfessional environment, Catholic parish, Muslim community, Judaic community.

Католический приход

Основателями первых католических приходов в Кузнецком и Мариинском округах можно по праву считать ссыльных поляков. Первая волна невольных переселенцев из Царства Польского стала прибывать в Южную Сибирь сразу после подавления на их родине ноябрьского восстания 1830 года. Вторая волна ссыльных была организована после следующего – январского восстания 1863 года. Она носила массовый характер и сопровождалась поражением части людей в гражданских и имущественных правах. За произнесение с амвона патриотических проповедей в Сибирь были отправлены более трёх сотен ксендзов – представителей монашеских орденов августинцев, бонифратров, василиан, доминиканцев, капуцинов, кармелитов, мариан, пиаров, паулинов и цистерцианцев.

Ряды сибирских католиков пополнялись лицами, осуждёнными за уголовные и другие государственные преступления. Так, в Мариинске три месяца пребывал Болеслав Петрович Шостакович (дед будущего выдающегося русского композитора Д. Д. Шостаковича), арестованный в 1866 году по делу Д. В. Каракозова за причастность к организации побега из московской пересыльной тюрьмы выдающегося польского революционера Ярослава Домбровского [10, с. 53].

В пореформенный период отсутствовал строгий статистический учёт всех высланных и добровольно переехавших в Сибирь, но по отдельным годам губернские чиновники всё-таки выводили контрольные цифры. По официальным сведениям в 1869 году в г. Мариинске и его округе проживало 1533 лица римско-католического вероисповедания, а в 1882 году – 1998. В г. Кузнецке отмечалась

малочисленность этой группы, соответственно 14 и 20 человек, так как действовал наложенный в 1868 году запрет заселять кабинетские земли ссыльными. Появление в Мариинске лютеран (15 человек) связано с миграцией выходцев из германских государств. В основном это были ремесленники, как, например, немец-часовщик из с. Тисульского [5, с. 178].

В неволе людям представлялось принципиально важным установить духовную связь с единоверцами. На новом месте привычные религиозные ценности проецировались на окружающую среду. Через призму убеждения в божественную предопределённость ссылка в Сибирь христианам виделась как подвиг во имя веры. Ориентация на покровительство и заступничество Девы Марии закрепились в наименовании многих сибирских костёлов. Сибирь воспринималась как чистилище при жизни, место искупления грехов [8, с. 36].

В Российской империи контроль деятельности лютеранской и католической конфессий осуществлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий, созданный в составе Министерства внутренних дел (МВД) в 1817 году. До 1867 года ссыльным священникам как лишённым, так и не лишённым сана категорически запрещалось вести службы. Основным источником их доходов являлась деятельность, на которую в данный момент человек был способен и имелась возможность ею заниматься. Так, в 1866 году мариинский городничий докладывал в Томск о том, что ксендзы: Виткевич, Гриневич, Демидович, Келиш, Миницкий, Минчевский и Шарковский вкладчину содержали и «имели занятия в булочной» [8, с. 189].

Впрочем, жизнь вносила свои коррективы. Папа Пий IX, зная о трудных условиях, в которых живут ссыльные священнослужители в Сибири, издал декрет, в соответствии с которым разрешалось отправлять святую мессу без литургических одеяний и сосудов, используя для этих целей домашнюю утварь и обычный хлеб. Если отсутствовал требник, ссыльным ксендзам позволялось отправлять круглый год одну и ту же службу.

Курат¹ Томской Римско-католической церкви Иосиф Энгельгарт, по собственному признанию, не имел физической возможности разъезжать по всей губернии и посетить всех нуждающихся еди-

¹ Курат – католический священник. Римско-католический костёл был построен в Томске в 1833 году.

новерцев². В 1865 году светским властям стало известно, что в Кузнецке без официального на то разрешения, службы на дому отправляет ссыльный ксендз Гилярий Быцулевич. Случай мог быть не единичным и сигнализировал о растущей среди католиков потребности в услугах своих священнослужителей [3, л. 2, 2 об.].

Уже в 1967 году, согласно циркулярному распоряжению МВД, ксендзам, не лишённым сана и имущества, под надзором полиции в местах их причисления было разрешено (по г. Мариинску – Иосифу Шарковскому) отправлять духовные требы, не сопряжённые с записью в метрические книги. В 1869 году эта практика на один год была приостановлена. Однако и дальше замалчивать растущую проблему власти не могли. Уже в ноябре 1870 года губернаторы получили от министра внутренних дел разрешение, «в неотложных случаях и при неимении налицо других священников <...> по особому на каждый случай разрешению начальника губернии» [10, с. 76], допускать к совершению треб (крещение, погребение, бракосочетание) не лишённых прав состояния и духовного сана ссыльных католических священников.

В Мариинске таким доверенным ксендзом был назначен Яков Демидович, получивший разрешение свободного выезда в селения округа. Подготовка к его визиту верующими воспринималась как торжество, приуроченное, как правило, к литургическим праздникам, с попутным крещением детей и венчанием пар [8, с. 110].

В течение всего пореформенного периода, по мере того как ссыльным-повстанцам время от времени сокращали сроки наказаний (уже в 1866 году они были уменьшены наполовину, повелением царя 25 мая 1868 года отбыть на родину разрешалось молодёжи в возрасте до 20 лет,

² В 1860–1880-х годах в Кузнецке под надзором полиции проживали ксендзы: Винцентий Юстинович, Андрей Кржыжановский, Альберт Григаллонович, Гилярий Бакулович (Бакулевич), Николай Гиртович, Урбан Торгоньский, Ежи Казилковский (Косилковский), Доминик Жук, Эдвард Котович, Гилярий Быцулевич; а в Мариинске и его округе: Ежи Валашинский, Ян Виткевич, Августин Войшиар, Якуб Демидович, Виценты Гриневич, Ян Валмшинский, Мифодий Гольдраг, Юлиан Келиш, Амброзий Косаржевский, Иосиф Лавкович, Яцентий Милосницкий, Людвиг Миницкий, Викентий Нарвойш, Ян Развадовский, Киприан Скимонт, Викентий Улинский, Иосиф Шарковский [6, с. 280–301].

указом 15 мая 1871 года возвращались прежние права и титулы), отношение светских властей к организации католических приходов менялось в направлении предоставления им больших прав в части ведения богослужбной деятельности. Циркулярным распоряжением МВД от 15 декабря 1872 года разрешалось ссыльных ксендзов назначать викариями в крупные сибирские приходы, а лицам, освобождённым от полицейского надзора – заниматься «всякого рода частными занятиями» [8, с. 100].

Таким образом, в период 1860–1880 годов первоначально ссыльные поляки, а по мере освобождения – их часть, выбравшая Мариинский и Кузнецкий округа в качестве уже постоянного местожительства, составили ядро формирующегося католического прихода, внёсшего свой вклад в религиозно-культурное развитие пореформенного Кузбасса.

Религиозная жизнь еврейской общины

К середине XIX века из бывших ссыльных и переселенцев в г. Мариинске и его округе сложилась значительная по размерам еврейская община, принимавшая активное участие в самоуправлении и хозяйственной жизни территории, проявлявшая заботу об удовлетворении религиозных потребностей своих членов.

Несмотря на ограничительные меры, принимаемые центральной властью с целью прекращения миграции евреев в Сибирь, их численность неизменно возрастала. Только за период с 1869 по 1882 год эта группа населения на севере Кузбасса увеличилась с 615 до 859 человек. Современник, отмечая предприимчивость и практичность её представителей, писал: «Сравнивая прежние края своего жительства с тем простором, дешёвизною, доходящей до баснословности, беспечностью апатичных сибиряков, евреи не могли не радоваться и скоро усердно принялись за труд и торговлю. Неутомимая деятельность и свойственная им бережливость скоро обратили внимание на них соотечественников их – христиан, и приобрели им, таким образом, полное доверие» [2, с. 82–83].

Иное положение сложилось в Кузнецке, где по сведениям за 1882 год зафиксировано наличие только четырех человек иудейского вероисповедания (возможно одной семьи), которые могли относиться либо к врачам, либо к семье отставного

солдата. Всем остальным категориям запрещалось даже временное пребывание на кабинетских землях [11, с. 93].

Иудаизм исторически является духовным стержнем единения евреев, способствующим сохранению национального самосознания и самобытности этого народа. Его тысячелетние традиции предполагают сосредоточение жизни верующих вокруг синагоги (молитвенного дома).

Согласно Уставу духовных дел иностранных исповеданий, молитвенный дом в черте оседлости мог быть открыт по разрешению администрации губернии в населённых пунктах, где число еврейских домов доходило до 30, а если достигало 80, то разрешалось иметь синагогу. В 1867 году Министерство внутренних дел получило право учреждать иудейские молельни вне черты оседлости, то есть и в сибирских губерниях [2, с. 98]. Согласно рапорту Мариинского окружного полицейского управления от 18 августа 1875 года, в городе уже действовал молитвенный дом, но пока без раввина. Это было небольшое деревянное здание по Большой Московской улице [1, с. 154, 162]. Расходы на его содержание осуществлялись за счёт добровольных пожертвований прихожан, а также ежегодных взносов «законных членов» общины, которые за это получали право голоса на собраниях при выборе должностных лиц данного заведения.

В Мариинском округе функционировали ещё два молитвенных дома. Из-за отсутствия разрешённого властями места для погребений по иудейскому ритуалу до 1885 года умерших хоронили преимущественно в Томске на еврейском кладбище, располагавшемся за городом вдоль Иркутского тракта.

Религиозная жизнь евреев в Сибири, как отмечают исследователи, во многом отличалась от их соплеменников в черте оседлости (в губерниях европейской части империи). Здесь не столь строго соблюдались религиозные традиции – не всегда выполнялась суббота (шаббат), но старались использовать только кошерную пищу (приготовленную в соответствии с обрядами веры), многолюдные службы проходили только по праздникам. В домашних условиях религиозные обряды также исполнялись далеко не в полном объёме, главным образом из-за законодательных ограничений, осложнявших приглашение раввина. В условиях сибирского климата нерегулярными были риту-

альные омовения в открытых водоёмах, а миква (ритуальная баня в синагоге) находилась только в Томске.

Особое место в жизни иудеев занимали праздники, способствовавшие поддержанию традиций, являвшихся символом единения местных еврейских общин и мирового еврейства. Так, наступление осени связывалось с праздниками: Рош-а-Шана (Новый год), Йом-Кипур (Судный день или день Великого искупления), Суккот (Праздник паломничества), Ханука (Праздник свечей); а весны – с Пейсах (Пасха – Праздник весны и мацы) и др. [1, с. 168, 171].

Иудеи принимали активное участие в общественной жизни Мариинска и часто занимали различные выборные должности. Так, в 1873 году депутатом по квартирному налогу был избран Рувим Буткевич, а в комиссию по оценке недвижимых имуществ – Гавриил Юдалевич. Исай Юдалевич долгие годы был директором Мариинского отделения попечительного о тюрьмах комитета. На городских выборах 1883 года из числа имевших право голоса 29,7 % составляли евреи, преимущественно купцы. Представители еврейской общины заметно обогащали культурно-хозяйственную жизнь провинциального Мариинска и его округа.

Мусульманская община

Членами мусульманской общины Мариинского округа являлись жители преимущественно сельской местности. В 1869 году в черте города проживали лишь 27 представителей этой конфессии, а за его пределами – в Почитанской, Боготольской волостях и в Телеутской инородной управе Томского округа – 1315. К 1882 году их численность возросла соответственно до 288 и 1416 человек. Община имела достаточно пёстрый этнический состав, включавший переселенцев из казанских татар, местных групп сибирских татар и калмаков³. Последние проживали в деревнях Шалай, Больше-Искитимские юрты, Зимник, Усть-Искитим, Юрт-Константиновка, осознавая духовное единство с соседними томскими татарами-чатами и эуштинцами [6, с. 6–7].

Мусульмане севера Кузбасса своё поведение в общине полностью согласовывали с законами шариата. У калмаков прежняя традиционно-

³ Калмаками или скедами называли телеутские роды, в XVIII веке откочевавшие ближе к Томску и позднее воспринявшие ислам от сибирских татар.

мифологическая система, основанная на шаманизме, была сильно деформирована новой обрядовой культурой, но и там проявлялись привычные элементы язычества.

В Мариинском округе в 1869 году действовали две деревянные мечети, а в 1882 – три. Каждый правоверный ежегодно в пользу храма должен был жертвовать десятую часть хлеба, не считая подношений в виде денег и натуральных продуктов во время праздника Курбан-байрам. В действительности это правило выполнялось далеко не всеми, и объём поступлений был скудным [9, с. 106].

Важную административную функцию в мусульманском селении выполнял мулла, предварительно избираемый как минимум $\frac{2}{3}$ членов прихода. Контроль над духовными лицами был достаточно строг и осуществлялся со стороны как Губернского управления, так и окружной полиции. От муллы требовались: знание русского языка, что, по мнению властей, создавало возможность для сближения русского и инородческого населения; ведение метрических книг с записями рождений, браков и похорон; он должен был обладать высокими нравственными качествами.

В пореформенный период государство продолжало совершенствовать систему управления местными мусульманскими общинами. С этой целью действовала длительная (иногда от нескольких месяцев до двух-трех лет) процедура прохождения кандидатами испытаний с последующим окончательным назначением Оренбургским магометанским духовным собранием, после которого предстояло утверждение ещё и губернскими властями [7, с. 18]. Предчувствие долгих ожиданий зачастую вынуждало общину самовольно назначать священнослужителей с последующим ходатайством о рассмотрении избранника на официальном уровне. Аналогичная ситуация случилась с муллой первой Теплореченской соборной мечети Мариинского округа. Только спустя полгода после его смерти сельская община подала прошение об утверждении нового священнослужителя, несмотря на то, что данный кандидат уже достаточно давно исполнял функции муллы и занимался обучением детей [4, л. 21, 21об.].

Нетрудно заметить, что в пореформенный период на территории Кузбасса шёл процесс становления мусульманской, католической и иудейской общин. Проявились общие для них тенденции: роста количества членов, организационного

оформления, нестроного отношения к религиозным традициям и утверждения атмосферы веропримости. Вместе с тем неизменной оставалась православно-охранительная позиция государства, политика которого носила характер «скрытого отрицания» иноверцев.

Литература

1. Галашова Н. Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Красноярск: Красноярский писатель, 2006. – 242 с.
2. Гончаров Ю. М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX века). – Барнаул: Азбука, 2013. – 174 с.
3. Государственный архив Томской области. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 295.
4. Государственный архив Томской области. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 521.
5. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения XIX – начало XX века. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 232 с.
6. Кимеев В. М. Калмаки: кто они? // Притомские калмаки: ист.-этногр. очерки / сост. Н. С. Садькова-Ерёмкина; под ред. В. М. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – 152 с.
7. Маркова М. Ф. Татары-мусульмане Томской губернии (1880-е годы – февраль 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2008. – 23 с.
8. Недзелюк Т. Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 годы): дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 304 с.
9. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1. Поздняя древность – начало XX века: кол. моногр. / отв. ред. П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 214 с.
10. Ханевич В. А. Католики в Кузбассе (XVII–XX века): (Очерк истории, мат-лы и док.). – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 2009. – 347 с.
11. Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX века. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – 260 с.

References

1. Galashova N.B. *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Jews in the Tomsk province in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries]*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy pisatel' Publ., 2006. 242 p. (In Russ.).
2. Goncharov Yu.M. *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [The Jewish communities of Western Siberia (XIX – the beginning of the 20th century)]*. Barnaul, Azbuka Publ., 2013. 174 p. (In Russ.).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of Tomsk region]*, F. 3, Op. 4, D. 295. (In Russ.).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of Tomsk region]*, F. 3, Op. 12, D. 521. (In Russ.).
5. Karikh E.V. *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya XIX – nachalo XX veka [The interethnic relations in Western Siberia in the course of her economic development of XIX – the beginning of the 20th century]*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 2004. 232 p. (In Russ.).
6. Kimeev V.M. *Kalmaki: kto oni? [Kalmaki: who are they?]. Pritomskie kalmaki: istoriko-etnograficheskie ocherki [Pritomskaya kalmaki: historical and ethnographic essays]*. Compiler N.S. Sadykova-Eremkina, Ed. V.M. Kimeeva. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1998. 152 p. (In Russ.).
7. Markova M.F. *Tatary-musul'mane Tomskoy gubernii (1880-e gody – fevral' 1917 goda): avtoref. dis. kand. ist. nauk [Muslim Tatars of the Tomsk province (the 1880th – February, 1917). Autor's abstract of Dr. his. Sci. diss]*. Tomsk, 2008. 23 p. (In Russ.).
8. Nedzelyuk T.G. *Konfessional'noe soobshchestvo katolikov Sibiri: vliyanie mirovozzreniya na povsednevnyuyu zhizn' (1830–1917 gody): dis. d-ra ist. nauk [Confessional community of Catholics of Siberia: influence of outlook on everyday life (1830-1917). Dr. his. Sci. diss]*. Novosibirsk, 2015. 304 p. (In Russ.).
9. *Religioznyy landschaft Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noy Azii. T. 1. Pozdnyaya drevnost' – nachalo XX veka: kollektivnaya monografiya [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. T. 1. Late antiquity – the beginning of the 20th century. Collective monograph]*. Edition P.K. Dashkovsky. Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta Publ., 2014. 214 p. (In Russ.).
10. Khanovich V.A. *Katoliki v Kuzbasse (XVII–XX veka): Ocherk istorii, materialy i dokumenty [Catholics in Kuzbass (the 17-20th centuries). History sketch, materials and documents]*. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2009. 347 p. (In Russ.).
11. Shaydurov V.N. *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX veka [Jews, Germans, Poles in Western Siberia XIX – the beginnings of the 20th century]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Nevskogo instituta yazyka i kul'tury Publ., 2013. 260 p. (In Russ.).